

Генерал и его боевой конь жили и умирали вместе на поле боя. Поэтому конюхи с ранних лет учили их не принимать пищу от чужаков — чтобы в будущем этим не смогли воспользоваться недоброжелатели. Сюань Цзяо был куда более бдителен, чем обычные боевые кони, да к тому же от природы свиреп и агрессивен. В северо-западном лагере он успел покалечить копытами нескольких конюхов, а Чэн Суюэ однажды едва не лишилась ребра.

Лян Шу нахмурился:

— Ты кормил его несколько раз в дороге?

Лю Сяньань прикрыл глаза, ощущая на языке остатки сладости:

— М-м. Лепешки из соевой муки с редькой и травами. А-Нин сам приготовил — изначально как ночной корм для пони.

Пони — это рыжая кобылка Лю Сяньаня. Как и хозяин, она отличалась покладистым нравом и медлительностью. В последнее время она заметно округлилась, и при беге её тело весело подрагивало. Лян Шу полагал, что Сюань Цзяо лишь презрительно фыркнет на такую толстую лошадку.

— Зачем ты кормил моего коня? - продолжил он допрос.

— Я не кормил. Он сам выпрашивал, — потянулся Лю Сяньань. — Но не волнуйтесь, ваша светлость. Я знаю, что боевых коней нельзя кормить чем попало, поэтому давал не больше полукуска за раз — меньше двух укусов. Если это плохо, я скажу А-Нину больше не угощать его.

Лян Шу почувствовал, будто увидел призрака. Почему все — от людей до коней — из Резиденции Сяо-вана меняли характер при встрече с этим «Спящим Бессмертным»? Поведение Чэн Суюэ ещё можно было списать на юность: девушка при виде красавца сама старалась сдержаться. Но что за дурман подействовал на Гао Линя и Сюань Цзяо? Его высочество даже задумался: нет ли в Трёх Тысячах Миров такого, где учат накладывать проклятия? Вдруг среди древних белобородых мудрецов затесался парочка со злыми умыслами...

Лю Сяньань зевнул и отправился переодеваться. Он был смертельно сонным и чертовски голодным — сочетание делало его движения ещё медленнее. Лян Шу, приказав страже позвать Чэн Суюэ, обернулся и увидел, как Лю Сяньань, закутанный в просторный халат, с полузакрытыми глазами наступил левой ногой на порог, правой — на левую и с глухим стуком рухнул на землю. Затем замер, словно гора, недвижимый перед ветром и дождём.

Лян Шу: «.....»

Стражник бросился поднимать его:

— Второй молодой господин Лю, вы в порядке? Хотите прилечь?

Тут вернулся А-Нин с едой. На горе особых деликатесов не было — лишь две лепёшки и миска супа. Увидев Лю Сяньаня, сидящего в ступоре с испачканным лицом, он вздохнул:

— Молодой господин, вы снова уснули на ходу?

Тон выдавал, что для Второго молодого господина Лю это было привычным делом. А-Нин поспешно вытер ему лицо платком и сунул в рот лепёшку. Лю Сяньань так и не открыл глаз. Поражённый Лян Шу смотрел и не мог поверить: с таким выражением лица его хоть сейчас ставь в храм на пьедестал, завернув в ткань, — сошёл бы за глиняную статую.

Проглотив две лепёшки с закрытыми глазами, Лю Сяньань наконец пробудился. Оглядевшись, он спросил:

— Где князь?

— Ушёл давно, — ответил А-Нин. — Перед уходом велел вам отдохнуть и идти в морг только выпавшись, а то ненароком упадёте в объятия Ду Цзина.

Лю Сяньань представил «объятия» Ду Цзина и решил, что поспать ещё немного — отличная идея. Прополоскав рот, он закутался в одеяло и вновь отправился на встречу с богом снов.

На этот раз в бамбуковой роще не было древних мудрецов — вместо них он встретил Его высочество Сяо-вана, восседающего на белом журавле с длинным мечом.

— Так вот они, твои Три Тысячи Путей? — лениво поинтересовался Лян Шу.

Хотя Лю Сяньань удивился, он радушно приветствовал гостя. Подлетев на другом журавле, он заметил, что одежды Лян Шу покрыты кровью — свежая алая пелена растеклась по белоснежным перьям.

Впервые в этом чистом мире появился другой цвет. Лю Сяньань вздохнул и хотел отвести его к источнику, чтобы смыть кровь, а потом угостить духовными плодами. Но на пути встретились босоногие мудрецы, пьяно рассуждавшие, что «в мире нет дао» и «не буду чиновником — душа прямая». Лю Сяньань поспешно увёл Лян Шу прочь.

Новое место было ещё прекраснее: тонкие водопады стекали со скал, рассыпаясь тысячами бликов. Лепестки цветов на берегу переливались, шелестела духовная трава, а под ногами мелькали нефритовые зайцы. Это было любимое убежище Лю Сяньаня — его личная

территория.

— Почему ты не хотел, чтобы я их увидел? — спросил Лян Шу.

Лю Сяньань, сидя на прибрежном камне, наблюдал, как тот моется:

— Они проповедуют у-вэй — недеяние и бесцельность, бегство от мира ради самосохранения.

Они не такие, как ты. Если бы вы встретились, наверняка подрались бы.

Лян Шу, погружённый в воду по плечи, усмехнулся:

— Недеяние? Игнорировать страдания и хаос?

— Нет, — задумался Лю Сяньань. — «Делая — управляешь миром, не делая — всё равно управляешь. Если нечего делать — живёшь долго».

Лян Шу фыркнул:

— Их бы в наш хаотичный мир отправить — посмотрел бы я на их «недеяние».

Лю Сяньань подумал, что Его высочество Сяо-ван не слишком дружелюбен и уже спугнул его товарищей, поэтому осторожно предложил:

— Если придёте снова, ждите меня под водопадом. Не бродите без меня, хорошо?

Лян Шу лишь презрительно хмыкнул. Он поднялся из воды, капли стекали с его мощного торса, исчезая у линии талии. Лю Сяньань, увидев в отражении смутный силуэт, поспешно воскликнул:

— Не двигайтесь! Я найду вам одежду—

Плюх.

— Белое не ношу. — Бескомпромиссно заявил Лян Шу.

Лю Сяньань остолбенело уставился на него.

А затем проснулся.

Он резко сел, сердце бешено колотилось. Тень под водой в его сновидении проявилась с пугающей чёткостью. Накинув одеяло на голову, он недоумевал: как вообще можно увидеть ТАКУЮ детализацию во сне? За окном уже давно стемнело, А-Нин спал, и никто не видел, как Второй молодой господин Лю ворочался в постели.

Он чувствовал, что это верх неприличия. Князь пришёл к нему в гости, а он даже во сне не смог обеспечить его одеждой! Провалившись так некоторое время, Лю Сяньань успокоил сердцебиение, сел у окна и, обхватив колени, долго смотрел в темноту.

Луна в ту ночь светила неестественно ярко, её серебряный диск обрамляла кровавая кайма. Поля и горы простирались до горизонта, высокие травы гнулись под ветром, а эхо разносило шёпот: «у-у... ша-ша...» — будто плач или жалобный вой.

Слишком глубокая тишина порой давит. Лю Сяньань вытер со лба испарину, отпил воды и решил, что раз уж ему не спится, то почему бы не закончить вскрытие.

Взяв масляную лампу, он отправился в морг.

Освещение там было куда лучше: Лю Сяньань зажёл свечи, прикрыл окна, оставив лишь щель для воздуха. Тело Ду Цзина выглядело в сто раз отвратительнее, чем днём. Присмотревшись, Лю Сяньань так и не смог понять, то ли это гу ещё шевелились, то ли движение света играло с его воображением.

Лян Шу наблюдал за ним через окно. Лю Сяньань буквально утыкался лицом в разложившуюся плоть... Неужели ему не противно?

Рядом стояла Чэн Суюэ. Князь послал её за сладостями, но внизу все лавки уже закрылись. Однако Чэн-гуньян знала нрав своего господина — она разбудила пекаря и заставила его приготовить свежие лепёшки, потому и опоздала.

Прижимая к груди тёплый свёрток, она с восхищением прошептала:

— Второй молодой господин Лю и правда удивительный.

Голос её был тих, но Лю Сяньань обладал чутким слухом. Он обернулся к окну.

Лян Шу забрал у неё лепёшки, отпустил отдыхать и вошёл в морг:

— Когда ты пришёл?

— Недавно, — Лю Сяньань поспешно опустил голову, вспомнив водопад. Сердце застучало, будто он парил в небесах.

Лян Шу, не ведая о событиях в Трёх Тысячах Миров, приказал:

— Вымой руки и поешь.

Лю Сяньань пинцетом поднял гу:

— Не буду. Работа не закончена, да и не голоден. Ваша светлость, угостите других.

— Ты же сам просил сладкого. - нахмурился Лян Шу - Давай ешь.

С этими словами он вышел. Вскоре Лю Сяньань последовал за ним. Они устроились на плоском камне. Князь протянул лепёшки и отвязал от пояса бурдюк с вином.

Лю Сяньань откусил кусочек — на язык полился сладкий мёд с османтусом. Не так, как готовили повара в Байхэшань, но не менее вкусно. Летний ветерок ласкал кожу, создавая идеальную атмосферу для перекуса.

Лян Шу откупорил бурдюк.

Лю Сяньань тут же уловил аромат:

— «Инь Западного Ветра»?

— Ты разбираешься в вине? — удивился Лян Шу.

— Пью часто, — признался Лю Сяньань.

Не чтобы напиться, а чуть-чуть — в состоянии между сном и явью. Закроешь глаза — и вот ты уже летишь к дворцам бессмертных, к звёздам и луне.

Лян Шу протянул ему бурдюк.

Лю Сяньань сделал глоток. Напиток обжёг горло, резкий, как северо-западный ветер, заставив зажмуриться. Но когда жар улёгся, на языке осталось сладкое послевкусие.

— Хорошее вино, — вернул он бурдюк и, доедая лепёшку, спросил: — А как насчёт мастера Лу Шоу? Он тоже из Байфу-цзун?

— Нет, — ответил Лян Шу. — Ши Ханьхай выяснил, что он просто дурак.

Что касается учеников Ду Цзина — толку от них было мало. Они не скрывали правду, но и знали немного: лишь то, что Ду Цзин пользовался особым доверием секты, потому и был отправлен в Чисячэн распространять гу. Если бы всё прошло удачно, они повторили бы это в других городах.

— Такова их цель? — уточнил Лю Сяньань. — Сначала посеять хаос, затем явиться спасителями. Банально.

— Но для одурачивания толпы и этого хватит, — сказал Лян Шу. — Ещё один момент: по их словам, эти гу создал лично Великий Мастер. Он годами совершенствовал рецепт и хвастался, что даже Мастер Лю Чжуан из Байхэшань не распознает яд.

А Второй молодой господин Лю разоблачил заговор за полдня. Выходит, сколько эти идиоты бы ни старались — всё без толку.

— Но это и правда несложно, — пожал плечами Лю Сяньань.

— Вот именно такими словами и таким тоном, — усмехнулся Лян Шу. — Когда встретишь Великого Мастера, повтори это ему — глядишь, и палач не понадобится.

Лю Сяньань, смеясь, завернул остатки лепёшки:

— Я закончу с телом Ду Цзина через пару дней. Князь останется на горе?

Лян Шу покачал головой:

— У меня есть зацепка насчёт чиновника, который помогал Ду Цзину с зерном. Хочу разобраться с этим.

— Тогда не беспокойтесь о горе, — кивнул Лю Сяньань. — Я позабочусь о людях.

Проводив его обратно в морг, Лян Шу взглянул на его старый, просторный халат и спросил:

— Прислать тебе одежду?

Лю Сяньань опешил:

— А?

Он оглядел себя — всё в порядке — и виновато промямлил:

— Ваша светлость... не любите белый цвет?

<http://bllate.org/book/14628/1297858>